

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ/RUSSIAN LANGUAGE. LANGUAGES OF THE PEOPLES OF
RUSSIA

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2026.78.12> EDN: OPHFXD

ФРАЗЕОЛОГИЗМ *БЛУДНЫЙ СЫН* В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАТЕКСТЕ: ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
АСПЕКТ

Научная статья

Коренева Ю.В.^{1,*}, Степаненкова Т.В.²

¹ORCID : 0000-0003-3716-9507;

^{1,2} Государственный университет просвещения, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (yukor74[at]mail.ru)

Предложена: 18.04.2026; Принята: 19.05.2026; Опубликовано: 09.06.2026

Аннотация

Цель работы заключается в анализе структурно-семантической трансформации библейского фразеологизма *блудный сын* в современных соцсетях как части современного российского медиапространства. Материалом для анализа послужили контексты из разных каналов соцсети Telegram и корпуса соцсетей Национального корпуса русского языка. Теоретическая часть работы представляет собой осмысление приемов трансформации фразеологизма в медиатексте как прагматической установки в коммуникативном акте, практическая часть статьи посвящена анализу результатов трансформации фразеологизма, когда происходит разрушение его концептуального базиса, связанного с исходной евангельской притчей, и актуализацией в трансформированной единице семы движения применительно к новому субъекту этого движения. Научной новизной данной работы является прагмакоммуникативный подход к понятию структурно-семантической трансформации фразеологизма. Материалы статьи могут оказаться полезны в исследовании функционирования библейских фразеологизмов в медиатекстах: как в аспекте их концептуализации, так и в аспекте трансформации их структуры и семантики. При использовании контекстного и компонентного методов анализа языкового материала были получены результаты, свидетельствующие, что различные трансформации фразеологизма *блудный сын* нацелены на прагматическую актуализацию схемы движения «уход-возврат» при широких возможностях замены субъектного элемента фразеологизма.

Ключевые слова: медиатекст, социальные сети, прагматическая функция.

THE IDIOM *THE PRODIGAL SON* IN CONTEMPORARY MEDIA TEXTS: A PRAGMALINGUISTIC
PERSPECTIVE

Research article

Koreneva Y.V.^{1,*}, Stepanenkova T.V.²

¹ORCID : 0000-0003-3716-9507;

^{1,2} Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author (yukor74[at]mail.ru)

Suggested: 18.04.2026; Accepted: 19.05.2026; Published: 09.06.2026

Abstract

The aim of the work is to analyse the structural and semantic transformation of the biblical idiom *the prodigal son* in modern social media as part of the contemporary Russian media landscape. The analysis is based on contexts drawn from various channels on the Telegram social media platform and the social media corpus of the National Corpus of the Russian Language. The theoretical section of the paper examines the techniques of idiom transformation in media texts as a pragmatic strategy within the communicative act, the practical part of the article is devoted to analysing the results of the transformation of the idiom, where its conceptual basis, linked to the original Gospel parable, is dismantled, and the seme of movement is actualised in the transformed unit in relation to a new subject of this movement. The scientific novelty of this work lies in the pragmatic-communicative approach to the concept of the structural-semantic transformation of the idiom. The material of the article may be useful in researching the functioning of biblical idioms in media texts: both in terms of their conceptualisation and the transformation of their structure and semantics. Using contextual and component-based methods of linguistic analysis, results were obtained indicating that various transformations of the idiom *the prodigal son* are aimed at the pragmatic actualisation of the "departure-return" movement pattern, with ample opportunities for replacing the subject element of the idiom.

Keywords: media text, social media, pragmatic function.

Введение

Медиапространство как сфера бытования медиатекстов в силу своей специфики ярко показывает взаимозависимость языка и коммуникации, поскольку в этой сфере трансформационность семантики и структуры речемысловой единицы (от слова до высказывания) — одно из ярчайших средств выразительности. И один из путей реализации прагматической функции языка прежде всего как когнитивно-коммуникативного явления.

В нашем материале прагматическая функция языка традиционно мыслится в коммуникативных рамках: через использование / употребление того или иного языкового средства с целью не простого воздействия со стороны говорящего на слушающего, но как модератора самой коммуникации, задающего ей тональность и оценочность и ведущего слушающего к нужным говорящему выводам. Отсюда вытекает, что воздействие, оказываемое словом на слушающего, является ингредиентом прагматической функции, отнюдь не заполняющим ее пространство целиком, но все же находящимся в ее ядре.

Терминологические номинации *прагматическая функция языка*, *прагматика*, *прагмалингвистика* в своем генезисе связаны с трудами Ч.У. Морриса, который в своей работе первой трети XX в. «Основания теории знаков» характеризует дисциплины, входящие в семиотику, включающей синтактику, семантику и прагматику [6, С. 43].

Развитие прагматики в лингвистическом ключе связано с теорией речевых актов Дж. Остина и Дж. Серля. В курсе лекций «Слово как действие» ("How to do things with words") Дж. Остин постулирует существование высказываний, соотносимых с действиями. Лингвистическая прагматика занимается «изучением языковых знаков в реальных процессах коммуникации» [4, С. 8], в более широком и детальном понимании «в сферу этой дисциплины входит анализ явных и скрытых целей высказывания, внутренней установки говорящего и готовности слушающего «пойти навстречу» в достижении искомого смысла; изучение типов коммуникативного поведения: речевой стратегии и тактики, правил диалога, направленных на достижение эффективности общения, использование так называемых «непрямых» речевых актов и разнообразных приемов языковой игры» [8, С. 8]. Отсюда закономерно, что современная прагмалингвистика, помимо очевидно выделяющейся проблемы речевого воздействия, изучает в том числе и проблему соотношения языковых единиц с намерениями и действиями адресанта [3].

Это соотношение выводит нас на вопросы речевого поведения говорящего, его картины мира, оязыковляемой его сознанием и вписанной в общий менталитет нации, т.е. обладающей в своей концептуализации национально-культурной спецификой. В этом плане фразеологический фонд языка (или общий паремиологический фонд – здесь перед нами не стоит цели обозначать проблемы разделения или объединения фразеологии и паремиологии) является наиболее ярким реализатором национально-культурной специфики, что доказано множественной апробацией этого в исключительно разнообразных научных исследованиях — от статей и диссертаций до монографий и словарей.

Методы и принципы исследования

Языковой материал был получен методом сплошной выборки. При анализе были использованы контекстный и компонентный методы анализа, привлекались статистические данные. В статье проанализированы основные пути структурно-семантической трансформации фразеологизма *блудный сын* в современном медиатексте. Показаны наиболее частотные замены субъектного компонента фразеологизма — это лексемы из тематической группы наименования родственников. Акцентируется внимание на ведущей во фразеологизме семантической роли атрибутивного компонента, который способен аккумулировать в своем составе базовые концептуализации исходного фразеологизма.

Выбор в нашем материале соцсетей на базе Telegram обусловлен прежде всего текстовой спецификой размещаемых сообщений, в которых каждый из авторов проявляет себя как индивидуальная языковая личность, при этом «подчиняясь» общим закономерностям языкового функционирования, что подтверждается — в нашем случае — типологическим выбором трансформационных речекоммуникативных тактик. Языковой материал для исследования извлекался из доступных для широкой аудитории новостных каналов мессенджера Telegram за период с 2020 по 2025 гг., среди них: Russia Today, Temnik (polittemnik), Царьград (Tsargradtv). Поиск примеров осуществлялся по базовому прилагательному *блудный*, употребленному в конструкции с определяемым существительным, каждый пример оценивался через призму соответствия исходной схеме фразеологизма и потом анализировался с позиций трансформационных моделей. В картотеке на данный момент насчитывается около 300 примеров, из которых для статьи были отобраны те, что показывают выявленные трансформационные приемы. Также в целях аргументации исследовательской позиции привлекались данные соцсетей из Национального корпуса русского языка, эти данные демонстрируют те же лингвокоммуникативные закономерности трансформации фразеологизма, что и языковой материал из каналов Telegram.

Основные результаты и обсуждение

Прагмакоммуникативная возможность трансформации фразеологизма *блудный сын* в медиатексте опирается на атрибутивный компонент, в котором, какой бы трансформация ни была, сохраняется базовый сюжет движения, что обусловлено и этимологией корня данного прилагательного, и глубокой прецедентностью исходного фразеологизма.

В прагмалингвистическом аспекте в рамках медиатекста наше внимание сосредоточено на фразеологизме *блудный сын*.

Пространство медиатекстов во многом предполагает свободу в использовании языковых единиц по всем параметрам, соцсети в этом смысле не исключение, поскольку имеют коммуникативную направленность.

Конструкция *блудный сын* по традиционной классификации может быть отнесена к фразеологическим сочетаниям, один из компонентов которых устойчив и отсылает в языковом сознании к семантике всей фразеологической единицы, вытягивая ее полную структуру, а второй — вариативен и синтагматически свободен, вспомним хрестоматийные примеры: если *трескучий*, то *мороз*; если *заклятый*, то *враг* и т.п. По структуре фразеологизм *блудный сын* входит в широкий и закономерный круг русских словосочетаний атрибутивного типа с препозицией определяющего прилагательного в отношении определяемого существительного (*закадычный друг*, *крокодиловы слезы*, *малиновый звон*, *медвежья услуга*, *белая ворона* и мн. др.).

По признаку происхождения *блудный сын* относится к широкому корпусу библейских фразеологизмов, чья терминологическая неопределенность мотивируется во многом выбранным подходом. В исследовательской литературе для устойчивых сочетаний, восходящих к текстам Священного писания, используются следующие терминологические

номинации: *библейские слова, библейские выражения, библейские крылатые слова, крылатые выражения, библейские фразеологизмы, библейские славянизмы* — для обозначения цитат из славянской Библии, *библейские фразеологические единицы, библеизмы, фразеологизмы библейского происхождения, фразеологизм библейской этимологии*.

Оставляя за кадром спорные вопросы терминологии, укажем только, что в узком смысле выделяются идиомы, обладающие целостностью значения, воспроизводимостью в речи, экспрессивностью (*нищие духом*), и что при таком подходе вне области анализа остаются пословицы, поговорки, а также фразеологические единицы, возникшие на основе библейского сюжета (*добрый самаритянин, ни на йоту*) [2, С. 31-32].

В нашем материале мы опираемся на широкую трактовку библейских фразеологических единиц, включая в данный фонд высказывания, образованные в том числе на основе библейских сюжетов. Терминологические номинации *библейский фразеологизм (БФ)* и *библейская фразеологическая единица (БФЕ)* в контексте нашего рассуждения представляются наиболее удачными и точными, поскольку их смысловое содержание укладывается в определение «устойчивая, воспроизводимая, имеющая полностью или частично переосмысленное фразеологическое значение единица, структурно представленная в виде словосочетания или предложения (включая пословицы), генетически связанная с библейскими текстами или сюжетами» [1, С. 59].

Фразеологизм *блудный сын* следует отнести к числу единиц библейского происхождения, так как евангельская притча о блудном сыне (Лк. 15: 11–32) не содержит в себе такого словосочетания. Развитие фразеологизма следует связать с историей богослужения, поскольку история о блудном сыне вписана в круг православных богослужений и православный календарь: неделя о блудном сыне относится к пригласительному к Великому посту периоду в церковной жизни. Таким образом, можно говорить, что фразеологизм *блудный сын* появился не непосредственно из самого евангельского текста, а рефлексивно, из опыта церковной жизни, выделившись из всем известной истории как сюжетная и характерологическая номинация. Как известно, один из двух сыновей потребовал свою часть наследства и покинул дом отца. Растратив в беспутной жизни полученное наследство, испытав голод и нищету, он с раскаянием вернулся домой и получил прощение. Фразеологизм, с одной стороны, отсылает к определенному событию, с другой стороны, — даёт оценочную характеристику человеку.

С историко-этимологических позиций прилагательное *блудный* восходит к **blōdъ* со значением ‘смятение’, ‘блуждание’, ‘заблуждение’. Глагол *блждити* ‘заблуждаться, ошибаться’, *блжд* ‘ошибка, заблуждение’, ср. лит. *blaĩdas* ‘хмурость, помрачение зрения, ума’, словен. *blōd* ‘ошибка’, чеш. *blud* ‘заблуждение’, н-луж. *blud* ‘блуждающий огонек’ [11, С. 177]. Внутренняя форма фразеологизма *блудный сын* через прилагательное актуализирует сему ‘*заблудший, грешный, ослепленный грехом*’. С другой стороны, во фразеологизме *блудный сын* выражена «и идея того, что, блуждая, человек может вернуться снова на путь истинный — так и происходит в исследуемой притче» [2, С. 161].

Как мы видим, в семантике фразеологизма *блудный сын* изначально заложена тема движения по пути, прежде всего, духовного падения и дальнейшего возрождения: удаление/отступление от Бога — жизнь в грехе — возвращение — покаяние. Можно такую структуру называть сюжетной, имея в виду само событие, но можно посчитать ее и концептуальной, поскольку это притча, и притча евангельская.

В этом отношении способность библейского фразеологизма фиксировать не только какую-то историю или фрагмент действительности, но и вырастающие за этой историей культурные смыслы, реализуя концептуальное содержание (о сложной семантической структуре фразеологизма подробнее в работе [5]), задает этому фразеологизму богатый потенциал структурно-смысловых трансформаций, чем свободно пользуется в лингвокоммуникативных целях медиатекст, давая через такие фразеологизмы в разнообразных медиатекстах оценку реалиям и объектам действительности, иными словами — для сохранения коммуникативно-прагматического воздействия на аудиторию «устойчивые выражения подвергаются различным видам трансформации в медийном дискурсе» [10, С. 31].

Коммуникативные цели медиатекста при использовании того или иного фразеологизма, в нашем случае — библейского, весьма разнообразны, но в векторе <*говорящий — слушающий* (= текст как источник информации — читатель как реципиент информации)> нельзя забывать и о декодировании подаваемой информации, т.е. о ее восприятии и понимании, потому что «коммуниканты, общаясь друг с другом, находятся в отношении своеобразного соавторства, и в процессе своей творческой деятельности каждый из них реализует свою коммуникативную потребность» [9, С. 6]. При этом прагматика имеет отношение и к цели, и к результатам речевой коммуникации, т.е. любой речевой акт по природе своей прагматичен, и здесь не играет принципиальной роли, является ли адресант и адресат непосредственными участниками или же опосредованными, т.е. в ситуации <текст — читатель> текст представляет собой опосредованного адресанта, а в ситуации массовой коммуникации целевая аудитория — опосредованного адресата. И тогда прагматическая роль мыслится «как выражение коммуникативной цели и интенции говорящим в ходе произнесения высказывания, направленного на воздействие на сознание или поведение слушающего» [9, С. 7].

В этом отношении понимание как составляющая коммуникативного акта через призму прагматики отражает сложнейший процесс декодирования смыслов. Если в структуре текста — любого текста, не только медиа — употреблен какой-то фразеологизм в его исходном виде или же в виде трансформированном, то понять, что это фразеологизм, может только тот, у кого в его личном, но при этом национально детерминированном, языковом сознании эта фразеологическая единица существует как структурно-семантическое единство со всеми вытекающими в языковой картине мира концептуальными компонентами.

Возможность изменения фразеологизма связана, как было сказано выше, с его типологией, но факт того, что происходит его трансформация как намеренное речевое действие адресанта, указывает на то, что замена свободного компонента во фразеологизме является реализацией прагматической языковой функции в векторе соотношения <кодирование информации — её декодирование>. Здесь речь не идет об ошибочной контаминации фразеологизмов, неверном их понимании и /или других лингвокогнитивных «сбоях» употребления. Здесь речь идет о намеренном и целенаправленном изменении фразеологизма в структуре коммуникативного акта, отраженного в письменном тексте.

Любой фразеологизм в его употреблении правомерно расценивать как прагмему: семантико-когнитивная специфика фразеологизма в коммуникации делает его прагматической единицей, одновременно и языковой, по концептуализируемому смыслу, закрепленным в языковой картине мира, и речевой, по цели употребления и способности к трансформации в коммуникативном акте.

Медиатексты фиксируют БФЕ *блудный сын* как в неизменном структурно-семантическом виде, вплетая ее в ткань рассуждения, так и в трансформированном, поэтому трансформационные модели БФЕ *блудный сын* включают изменения и структурные, и семантические нераздельно, поскольку структура и семантика амбивалентны в их отношениях.

Прямое — нетрансформационное в структурном отношении — употребление БФЕ *блудный сын* показывает некоторое, на наш взгляд, семантическое расширение, когда на передний план при помощи синтагматических средств выходит концептуальная структура фразеологизма: отсутствие и возвращение кого-то с дальнейшим принятием этого кого-то тем, кто оставался:

Что же касается Турции, это сигнал к дальнейшему обострению в Сирии и Ливии. Эрдоган охладил к восточному союзнику, и решил выстраивать отношения с американцами. Можно не сомневаться, что в НАТО с радостью встретят блудного сына (<https://t.me/hellotransfer>, дата обращения: 04.07.20);

«Возвращение блудного сына»: Пашинян поручил начать восстановление связей с Россией, первый шаг — принятие приглашения посетить Парад Победы 9 мая (https://t.me/rlz_the_kraken, дата обращения: 21.03.25);

Вчера же в правительство Израиля возвратился «блудный сын» Бен-Гвир — все его условия Нетаньяху были выполнены: уволен глава спецслужбы ШАБАК, прекращен завоз гумпомощи в Газу... и сегодня возобновлена война (https://t.me/rlz_the_kraken, дата обращения: 18.03.25).

Также довольно часто в медиатекстах можно видеть попытку автора такого текста через осмысление БФЕ и самой притчи объяснить происходящее в какой-то сфере: политике, экономике. Здесь можно выделить несколько приемов трансформации, среди которых:

1) прием семантизации, основанный на употреблении фразеологизма в контексте, раскрывающем его смысл с помощью авторского толкования и дополнительных языковых средств.

Например,

Религиозное сознание американцев помогает им очень тонко чувствовать такие моменты и постоянно использовать их в своей политике. Американская риторика в отношении бывших советских республик — это всегда вольное переложение притчи о блудном сыне, ради которого отец устроил пир и назвал своим наследником. В случае с Украиной или Литвой — союзником, но это в современных условиях почти одно и то же. Но если сын пытается снова встать на греховный путь дружбы с Россией, для этого тоже есть подходящий библейский сюжет: «Когда сын, оставленный на свою волю, делается дерзким... Нагибай выю его в юности и сокрушай рёбра его» (https://t.me/rt_russian, дата обращения: 20.10.20);

2) довольно частотный прием замены компонентного состава. В случае с БФЕ *блудный сын* замене подлежит именной компонент *сын*. Например,

Не для того господь придумал Польшу (а точнее, Восточную Европу), чтобы она облегчала жизнь государству российскому выстраивать эффективные коммуникации с партнерами, а заодно выбивать из этого самого кордона блудных братьев (<https://t.me/politemnik>, дата обращения: 01.11.19);

В России хотят создать программу поддержки для обратных релокантов, чтобы решить проблему нехватки IT-специалистов. Блудным айтишникам могут предложить восстановление на службе или помочь с поиском новой работы, дать временное жилье и материальное пособие (https://t.me/Taynaya_kantselyariya, дата обращения: 05.10.23);

Нужна будет активная медийная работа по отработке негатива, в которой Проценко будет играть ключевую роль. Вангуем скорое возвращение «блудного медика» в зомбоящик (https://t.me/Taynaya_kantselyariya, дата обращения: 12.01.23);

По мнению США, Китай стремится создать военный потенциал, способный сдерживать или заблокировать любые попытки США защитить Тайвань, который Пекин рассматривает как *блудную провинцию*, которая в конечном итоге должна вернуться в коммунистическое лоно (https://t.me/madam_secretar, дата обращения: 10.02.21);

Возвращение блудных релокантов: Для либералов открыты все двери? Уехали, улетели, вернуться не обещали. Либералов и иноагентов хватало на три года. Только речь зашла о переговорах, забылась ненависть к России. Предатели снова на выставках, в кино, на концертах? Кто готов приютить и пригреть их? Ответим на эти вопросы в эфире программы «Мы в курсе» с Еленой Афоной (<https://t.me/tsargradtv>, дата обращения: 18.02.25);

В истинных причинах переселения обратно «блудных граждан» попытаемся разобраться в эфире программы «Мы в курсе» с Еленой Афоной (<https://t.me/tsargradtv>, дата обращения: 03.05.24);

Беги, релокант, беги! Блудные нетвойнисты возвращаются в Россию из добровольной ссылки. Все помнят релокантов, которые поддерживали киевский режим и финансировали ВСУ, а потом «под шумок» мобилизации сбежали из «страны-агрессора» в «европейский рай». Оказалось, что теперь они хотят вернуться в Россию! (<https://t.me/tsargradtv>, дата обращения: 25.10.23);

«Павел Дуров встречает блудного пользователя "Вконтакте", который ушел оттуда в Facebook и Instagram, а теперь вернулся к нему уже в Telegram. Холст, масло» (<https://t.me/tsargradtv>, дата обращения: 11.03.22).

Основная функция таких трансформаций — контекстуальная конкретизация, привязка к описываемой ситуации и тем самым повышение экспрессивности фразеологизма.

3) Еще одним приемом структурно-семантической модификации данного фразеологизма является сокращение компонентного состава или намеренное его расширение за счет включения слов-сопроводителей.

Например,

Патентованный инагент о возвращении на «Первый канал» Васильева: «...Говорят, что Эрнст пустил Васильева "паровозом", чтобы посмотреть реакцию пипла и чиновников на возвращение "блудных"...» (<https://t.me/wisedruidd>, дата обращения: 30.05.22);

О, вернулся с морей блудный бывший муж. Никак за алиментами к Насте пожаловал? Урд: не вернулся, она сама к нему на Кипр рванула (https://t.me/spletni_tg, дата обращения: 30.11.21);

Пикантности прибавляет тот факт, что в гости к нему был направлен Роман Протасевич — ещё один просидевший в застенках бывший антагонист Лукашенко, превратившийся теперь в его амбассадора. Сюжет выходит просто лубочный — блудные сыновья (и дочери) обретают счастье, преисполнившись любовью к Александру Григорьевичу, после того как избавляются от заблуждений в ненависти к последнему (<https://t.me/politemnik>, дата обращения: 08.01.25).

В последнем примере через семантику конструкции блудные сыновья автор создает политическую драматургию, подчеркнуто используя отсылки к библейским мотивам. Создается метафора прощения с репрезентацией образа милосердного отца. Компонентное расширение фразеологизма за счет включения лексемы дочери подчеркивает всеобъемлющий характер прощения. В целом такое наполнение создает экспрессивный характер высказывания.

4) Структурно-семантические изменения могут осуществляться и через прием переосмысления БФЕ блудный сын. Например,

Однако, вместо того чтобы честно признать ошибки, подобные «блудные сыновья» предпочитают залечь «в тину» в надежде, что окажутся просто в забвении (<https://t.me/politemnik>, дата обращения: 24.09.24).

Как мы видим, в данном примере происходит преобразование смыслового ядра, семантического стержня фразеологизма за счет включения слов-сопроводителей залечь «в тину», то есть не вернуться, что создает негативную оценочность.

Наиболее частотным в трансформации БФЕ блудный сын является прием замены свободного компонента, когда прилагательное блудный сочетается уже не со словом сын, а с каким-то другим существительным. Большинство замен — из терминов родства. Это свидетельствует, что в языковом сознании при замене компонента замена идет именно по линии архисемы 'родственник': <блудный /-ая/-ые + дочь, мать, отец, дети, зять, жена>.

Показательны данные по коллокациям прилагательного блудный в материалах Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

В газетных корпусах одна из наиболее частотных коллокаций дает сочетание блудный попугай, что сигнализирует о трансформации БФЕ по пути прецедентности в связи с ассоциативной отсылкой к отечественному мультсериалу «Возвращение блудного попугая» (1984–2006), само название которого, в свою очередь, можно считать третьим деривативом прецедентной трансформации (дериватив в данном случае имеет расширительное значение и не имеет отношения ни к финансовой сфере, где широко употребляется как термин, ни к лингвистической деривации; это прагмакоммуникативное трансформационное употребление языковой единицы: нечто производное, вторичное):

- 1 шаг: исходное библейское по происхождению сочетание из евангельской притчи;
- 2 шаг: первый дериватив — фразеологизм христианской цивилизации;
- 3 шаг: второй дериватив — название живописного полотна Рембрандта (XVII в.);
- 4 шаг: третий дериватив — название мультимодального текста (мультфильма).

По биграммам НКРЯ наиболее частотными являются компоненты сын, дочь, всего выборка по сочетанию блудный + существительное дает более 20 коллокаций, среди которых могут встречаться как повторяющиеся, так и единичные трансформации. В качестве иллюстрации:

Так описывалось неприличное поведение юной девушки: «Непорядочная девица со всяким смеется и разговаривает, бегают по причинным местам и улицам, разиня пазухи, садится к другим молодцам и мужчинам, толкает локтями, а смиренно не сидит, но поет блудные песни, веселится и напивается пьяна. (Когда в России вышел первый учебник по воспитанию юношества // Парламентская газета, дата обращения: 15.02.20) [7];

История приключений полицейского Сергея Кулакова, прозванного в СМИ «блудным подполковником» и «американским разведчиком», началась весной 2006 года: он узнал, что выиграл грин-карту США, позволяющую легально жить и работать за океаном (Мария Фролова, Игорь Надеждин. Прозевали // lenta.ru, дата обращения: 14.10.17) [7];

На самом же деле, воссоединение «блудного попугая» с хозяином состоялось благодаря тому, что под кожу птицы был вшит специальный микрочип (Пропавший на четыре года попугай вернулся к хозяину и заговорил по-испански // Vesti.ru, дата обращения: 14.10.14) [7].

В корпусе Русской классики В прилагательное блудный дает три коллокации: похоть (13 примеров), сын (37 примеров), страсть (6 примеров; в обучающем корпусе 4 коллокации: возвращение (в препозиции) (6 примеров: возвращение блудного (+ кого)), притча (в препозиции) (4 примера: притча о блудном сыне), сын (33 примера), история (в препозиции) (4 примера: история о блудном сыне).

В Поэтическом корпусе блудный сочетается с существительными в 118 примерах, среди которых большинство — 74 примера — со словом сын, с существительным дочь отмечено 2 употребления, со словом дети — 3 употребления.

В корпусе соцсетей НКРЯ отметим, что из 187 примеров употребления прилагательного блудный с существительными подавляющее большинство — 89 — со словом сын, остальные лексемы дети (2 пример), ребенок (1 пример), муж (10 примеров, в том числе в названиях), отец (2 пример), дочь (7 примеров), брат (2 примера), народ (1 пример), попугай (24 примера), сочетания с существительными жена и сестра отсутствуют.

Сама прецедентная конструкция возвращение блудного попугая представлена в 43 примерах:

Вот еще возвращение блудного радара (Ростовская, ДК Шинник) (Контроль за нарушением ПДД с видеофиксацией камерами ГИБДД, пост II, 2013–2021) [7];

Р. Р. С. Кроме Даши в Бордо живет еще немало хороших людей, что оказались готовы кормить, поить, катать и постригать блудного художника. (balovin. Продажность без денег, 2015) [7];

Во-вторых, спасибо моей повятской семье [id11811918|Полина Сизикова], [id11745372|Daria Vasilyeva] и блудной дочери [id33472112|Катерина Нуждова], которая не была на посявте! (vk, дата обращения: 31.12.14) [7];

Сейчас, сидя в дешевой пиццерии на окраине Петербурга я чувствую странный покой: город словно укутал меня моим любимым пледом, погладил по седеющей шерсти и убаюкал как блудного ребенка (vk, дата обращения: 25.02.13) [7].

Заключение

Наблюдения над структурно-семантической трансформацией фразеологизма *блудный сын* в текстах медиасферы позволяют заключить, что, во-первых, в семном составе БФЕ происходит вычленение актуализированного значения, и происходит это через атрибутивный компонент.

Во-вторых, изменяемый элемент — существительное, которое с классических позиций синтаксических отношений в словосочетании имеет функцию субъекта и должно быть структурно и семантически главным во фразеологизме. Изменение субъектного компонента словосочетания отсылает нас к пониманию того, что за прилагательным *блудный* сосредоточивается свернутая смысловая структура всей притчи, поэтому именно атрибутивный компонент фразеологизма способен аккумулировать в себе все базовые семантико-когнитивные признаки сочетания, что и задает прагмакоммуникативную возможность трансформации.

В-третьих, при трансформации фразеологизма *блудный сын* в медиатексте за кадром остаются семы покаяния и прощения, то самое зерно притчи, её основной смысл, таким образом размывается исходная смысловая структура фразеологизма, происходит семантическая трансформация, которая тянет за собой изменение компонентного состава.

В-четвертых, в исходном фразеологизме (деривативе второго порядка) обязательно подразумевается предикат, связанный с концептом ухода и возврата кого-то. Концептуальная структура фразеологизма «кто-то уходит и возвращается» актуализирует семы времени, отсутствия, прихода. Этот «кто-то» всегда обозначен словом *блудный*, в семантическом объеме которого при всех трансформациях сохраняется сема движения, которая отправляет к этимону: *заблуждение, блуждающий нерв* и др.

В-пятых, в медиатексте актуализировано поверхностное и денотативное значение, а символика, входящая в глубинные слои концепта, используется исключительно в экспрессивной функции, которая связана с воздействием на воспринимающего информацию из медиатекста. Сам воспринимающий при этом может быть совершенно не знаком ни с самим фразеологизмом, ни с его историей, может не знать его исходного значения и может воспринимать его в задаваемой медиатекстом функции (*блудный пользователь, блудный бывший муж* и проч.), что и обеспечивает прагмакоммуникативную сущность такой трансформации.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Бакина А.Д. Библейская фразеология: вчера, сегодня, завтра / А.Д. Бакина. — Орел : Каргуш, 2023. — 452 с.
2. Григорьев А.В. Русская библейская фразеология в контексте культуры / А.В. Григорьев. — Москва : Индрик, 2006. — 358 с.
3. Дотмурзиева З.С. Прагматика англоязычного художественного текста и проблемы прагматики его перевода : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / З.С. Дотмурзиева. — Пятигорск, 2006. — 233 с.
4. Маслова А.Ю. Введение в прагмалингвистику : учебное пособие / А.Ю. Маслова. — Москва : Флинта : Наука, 2010. — 147 с.
5. Мелерович А.М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка / А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко. — Кострома : КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. — 482 с.
6. Моррис Ч.У. Основания теории знаков / Ч.У. Моррис; под ред. Ю.С. Степанова // Семиотика. — Москва : Академический Проект ; Деловая книга, 1983. — С. 37–89.
7. Национальный корпус русского языка. — 2026. — URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 01.04.2026).
8. Норман Б.Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков) : курс лекций / Б.Ю. Норман. — Минск : Издательство БГУ, 2009. — 183 с.
9. Путина О.Н. Речевая коммуникация: прагматический аспект / О.Н. Путина, С.В. Балакин // Евразийский гуманитарный журнал. — 2022. — № 1. — С. 4–9.
10. Реунова Е.В. Лингвопрагматические аспекты функционирования библеизмов в современном медиадискурсе России, Испании, Италии, Франции и Великобритании / Е.В. Реунова // Вестник СамГУ. — 2015. — № 7 (129). — С. 30–35.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. — Москва : Прогресс, 1986. — Т. 1. — 576 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bakina A.D. Bibleiskaya frazeologiya: vchera, segodnya, zavtra [Biblical Phraseology: Yesterday, Today, Tomorrow] / A.D. Bakina. — Orel : Kartush, 2023. — 452 p. [in Russian]
2. Grigorev A.V. Russkaya bibleiskaya frazeologiya v kontekste kulturi [Russian Biblical Phraseology in the Context of Culture] / A.V. Grigorev. — Moscow : Indrik, 2006. — 358 p. [in Russian]
3. Dotmurzieva Z.S. Pragmatika angloyazichnogo khudozhestvennogo teksta i problemi pragmatiki yego perevoda [Pragmatics of English Literary Text and Problems of Its Translation Pragmatics] : dis. ... of PhD in Philology : 10.02.20 / Z.S. Dotmurzieva. — Pyatigorsk, 2006. — 233 p. [in Russian]
4. Maslova A.Yu. Vvedenie v pragmalingvistiku [Introduction to Pragmalinguistics] : textbook / A.Yu. Maslova. — Moscow : Flinta : Nauka, 2010. — 147 p. [in Russian]
5. Melerovich A.M. Semanticheskaya struktura frazeologicheskikh yedinitsov sovremennogo russkogo yazika [Semantic Structure of Phraseological Units in Modern Russian] / A.M. Melerovich, V.M. Mokienko. — Kostroma : KGU im. N.A. Nekrasova, 2008. — 482 p. [in Russian]
6. Morris Ch.U. Osnovaniya teorii znakov [Foundations of the Theory of Signs] / Ch.U. Morris; edited by Yu.S. Stepanova // Semiotics. — Moscow : Akademicheskii Proekt; Delovaya kniga, 1983. — P. 37–89. [in Russian]
7. Natsionalnii korpus russkogo yazika [Russian National Corpus]. — 2026. — URL: <https://ruscorpora.ru> (accessed: 01.04.2026). [in Russian]
8. Norman B.Yu. Lingvisticheskaya pragmatika (na materiale russkogo i drugikh slavyanskikh yazikov) [Linguistic Pragmatics (Based on Russian and Other Slavic Languages)] : course of lectures / B.Yu. Norman. — Minsk : BGU Publishing House, 2009. — 183 p. [in Russian]
9. Putina O.N. Rechevaya kommunikatsiya: pragmaticheskii aspekt [Speech Communication: Pragmatic Aspect] / O.N. Putina, S.V. Balakin // Yevraziiskii gumanitarnii zhurnal [Eurasian Humanitarian Journal]. — 2022. — № 1. — P. 4–9. [in Russian]
10. Reunova E.V. Lingvopragmaticheskie aspekty funktsionirovaniya bibleizmov v sovremennom mediadiskurse Rossii, Ispanii, Italii, Frantsii i Velikobritanii [Linguopragmatic Aspects of the Functioning of Biblical Expressions in Modern Media Discourse of Russia, Spain, Italy, France and Great Britain] / E.V. Reunova // Vestnik SamGU [Bulletin of Samara State University]. — 2015. — № 7 (129). — P. 30–35. [in Russian]
11. Fasmer M. Etimologicheskii slovar russkogo yazika [Etymological Dictionary of the Russian Language] : in 4 vol. / M. Fasmer. — Moscow : Progress, 1986. — Vol. 1. — 576 p. [in Russian]